

На правах рукописи

Лазаренко Олег Мирчевич

**Своеобразие языка и переводческой техники греческой Псалтири (на
материале ментальной лексики)**

Специальность 10. 02. 14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Марина Николаевна Славятинская

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Евгений Борисович Рашковский, Научно-исследовательский центр религиозной литературы и русского зарубежья
Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы

кандидат филологических наук
Андрей Сергеевич Десницкий, Институт Востоковедения РАН

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет, Институт восточных культур и античности

Защита состоится «28» октября 2008г. в 14.00 часов на заседании Диссертационного Совета Д-501.001.82 при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-ый учебный корпус, филологический факультет

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. А. М. Горького Московского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 2008 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета кандидат филологических наук, доцент Савельева О.М.

Общая характеристика исследования

В диссертации анализируется своеобразие языка и переводческой техники в Псалтири Септуагинты (далее – LXX), греческого перевода еврейской Библии, осуществленного в III-II вв. до н. э. Анализ проводится преимущественно на материале ментальной лексики.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, неослабевающим в науке интересом к переводческим приемам в греческой Псалтири, а также к проблемам возникновения перевода, определения его первоначальных целей и адресатов, прояснения личности переводчика. Решение этих проблем ученые ищут на путях филологического анализа текста Псалтири. Во-вторых, лексикологическое исследование LXX – необходимое условие осуществляющихся и предстоящих проектов ее перевода на современные европейские языки. В-третьих, лексикографическая деятельность (в частности, проект профессора Т. Мураоки по созданию полноценного лексикона LXX) предполагает предварительный лексикологический анализ текста LXX.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить особенности словоупотребления греческой Псалтири по отношению к языку классического и эллинистического периодов, а также охарактеризовать переводческую технику в Псалтири LXX.

В **задачи** работы входит:

- 1) определить сходства и различия в семантике отдельных слов между Псалтирью и эллинской литературой
- 2) объяснить причины различий
- 3) охарактеризовать Псалтирь как самостоятельный греческий текст
- 4) определить методы работы переводчика с еврейским текстом
- 5) объяснить причины смысловых расхождений между греческой Псалтирью и масоретским текстом (MT)
- 6) установить связи греческой Псалтири с другими книгами LXX

Для достижения поставленной цели используется **метод** сравнительного анализа: отдельные тексты Псалтири сопоставляются, с одной стороны, с эллинскими литературными текстами, а с другой, с еврейским оригиналом.

Материалом исследования являются (преимущественно) те контексты Псалтири, в которых употребляются лексемы, относящиеся к семантическому полю ментальной деятельности. За основу берется еврейский текст в 4-ом издании *Biblia*

Stuttgartensia и греческий текст в издании А.Ральфа. Случаи использования греческого текста, отличного от текста А.Ральфа, специально оговариваются.

Теоретической основой настоящей работы является, во-первых, положение о том, что лексика Псалтири в целом отражает эллинистическое (-ую) койне, а во-вторых, высокая оценка переводческих умений и богословских знаний переводчика.

Научная новизна диссертации обусловлена обращением к неизученной в отечественной септуагинтистике теме переводческой техники греческой Псалтири. Кроме того, несмотря на интерес к Псалтири LXX в последние годы, лишь небольшая часть лексики Псалтири была основательно проанализирована, и только отдельные лексемы из семантического поля ментальной деятельности нашли освещение в научной литературе. Автор анализирует 20 лексем данного семантического поля с двух точек зрения: 1) с точки зрения семантики греческих лексем (первая глава), 2) с точки зрения переводческой техники (вторая глава). В диссертации дается относительная датировка некоторых книг LXX, основанная на предполагаемой зависимости одних переводчиков от других, а также предлагается методология определения такой зависимости. Приводятся несколько новых примеров возможной сознательной аллитерации в Псалтири.

Работа обладает **практической значимостью**. В ней реферировается и находит оценку новейшая научная литература по проблемам LXX. В этом качестве диссертация может быть использована в рамках лекционного курса, посвященного LXX. Результаты сопоставления греческого и еврейского текстов Псалтири могут найти применение на семинарских занятиях. Результаты лексикологического исследования могут быть использованы при составлении словаря LXX и в курсах истории древнегреческого языка.

Работа прошла **апробацию** на ряде докладов, сделанных в Москве, Геттингене (Германия) и Базеле (Швейцария). В январе 2000 года в рамках международной конференции, посвященной древним языкам, организованной МГУ им. М.В.Ломоносова, был сделан доклад «Семантические неологизмы Септуагинты и их место в лексической системе греческого койне». Тезисы доклада были опубликованы в сборнике «Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание», Москва, 2000, сс. 63-64. С октября 2000 по май 2002 года были прочитаны 4 доклада в рамках семинара по LXX на богословском факультета Геттингенского университета и один доклад на международном конгрессе септуагинтистов:

- 1) октябрь 2000 г.: «Значение глагола *meletaw* в LXX»
- 2) май 2001 г.: «Пророки, Псалтирь и Притчи: к проблеме интертекстуальности в LXX»
- 3) ноябрь 2001 г.: «Значение глагола *uroi ambarw* в Псалтири LXX»
- 4) май 2002 г.: «Литературные связи между Псалтирью и книгой Иеремии в LXX»

5) август 2001 г.: «*meletaw* in the LXX: on the relationship of dependence between several LXX books» (доклад на конгрессе Международной организации LXX и родственных исследований (IOSCS), проходившем в Базеле в рамках XVII конгресса Международной организации по изучению Ветхого Завета (IOSOT). По техническим причинам доклады конгресса не были опубликованы).

В августе 2007 года на кафедре классической филологии МГУ был сделан доклад по теме диссертации.

Структура работы. Работа, общим объемом в 167 стр., состоит из введения, основной части, содержащей две главы, заключения и библиографии.

На защиту выносятся следующие положения:

1) В отношении к ментальной лексике Псалтирь LXX можно рассматривать как надежный источник сведений об эллинистическом койне.

2) Переводчик Псалтири обнаруживает преемственность с переводчиками Пятикнижия в выборе отдельных лексических эквивалентов. Кроме того, некоторые формулировки в греческом тексте Псалтири позволяют заключить, что при истолковании оригинала переводчик опирался на параллельные места в Пятикнижии.

3) Хотя Псалтирь LXX представляет собой в целом буквальный перевод, ее автор нередко проявляет творческую свободу: он вводит новые интертекстуальные связи, иногда изменяет смысл понятного ему еврейского оригинала, совершает трансформации консонантного текста еврейского подлинника, с которым он работал (далее – *Vorlage*).

Содержание работы

Введение состоит из нескольких разделов.

«LXX как перевод. Язык LXX». Констатируется совмещение в LXX противоположных переводческих («буквализм» и «свобода») и языковых («обычное эллинистическое койне» и «гебраизмы») тенденций. Переводчики комбинируют роли собственно переводчика (*interpres*) и истолкователя (*expositor, orator*) текста, которые

обычно разделялись в античности.¹ Непоследовательность объясняется тем, что метод и стиль выработывались в процессе перевода. Язык LXX характеризуется как обычное эллинистическое койне с заметной долей не-греческих элементов; для переводческого метода свойственно, кроме точной передачи смысла, также и отражение формальных сторон оригинала. Отклонение от греческого языкового узуса и сохранение буквы оригинала наблюдаются и в античных переводах правовых и деловых текстов. Исходя из внешнего сходства этих переводов с LXX, иногда делают неправомерный, с точки зрения автора, вывод о механическом характере перевода в LXX. Между тем, гебраизация текста могла быть сознательным приемом: отказ от средств эллинистической риторики мог иметь целью 1) подчеркнуть особые авторитет и ценность оригинала и 2) подготовить читателя к восприятию божественного откровения во всей его инаковости по отношению к идейному миру греков.

«Условия создания греческого Пятикнижия». Приводятся древние свидетельства, касающиеся этой темы, и реферируются две наиболее распространенные в научном мире гипотезы: 1) перевод осуществлен по заказу царя (а) для нужд судопроизводства, (б) для пополнения александрийской библиотеки, (в) с целью знакомства с историей своих подданных и 2) перевод обусловлен религиозными или политическими нуждами еврейской диаспоры. Отмечаются сильные и слабые стороны обеих гипотез; предлагается компромиссная точка зрения: движимые своими интересами, евреи способствовали распространению при царском дворе идеи о необходимости перевода Пятикнижия, что и привело к заказу царя.

«Условия создания греческой Псалтири. Цели и методы перевода». Этот раздел посвящен реферированию и критической оценке точек зрения на условия и цели создания греческой Псалтири. Наиболее распространены две модели: «перевод Псалтири как подстрочник еврейского текста» для использования при обучении древнееврейскому языку и чтении еврейских Псалмов (позднеантичная параллель – латинско-греческие билингвы Вергилия) и «греческая Псалтирь как самостоятельный значимый текст». Первая из указанных моделей акцентирует высокую степень дословности перевода Псалтири и наличие в нем частых отклонений от эллинского языкового узуса. Считается, что если бы греческая Псалтирь изначально предназначалась для самостоятельного употребления, то ее язык должен был в большей

---

¹ С.Брок, «Aspects of Translation Technique In Antiquity», *Journal of the Greek, Roman, and Byzantine Studies* 20 (1979), 69-87.

степени соответствовать нормам греческого литературного языка. Модель «перевод-подстрочник» исходит из оценки переводческой техники в Псалтири как перевода *ad hoc*. Согласно этому взгляду, переводчик заранее незнаком с переводимым текстом или знаком только поверхностно; однажды переведенный текст, как правило, не редактировался переводчиком. Критически оценивая данную позицию, автор показывает, что и буквализм Псалтири, и ее языковые «варваризмы» могут быть объяснены без привлечения гипотезы о подстрочнике, а именно как проявление пиетета к оригиналу и следование традиции сакральной литературы. Приводятся аргументы в пользу того, что изначальной целью перевода было его самостоятельное функционирование вне связи с еврейским подлинником (непоследовательность в выборе лексических эквивалентов, наличие произвольных истолкований, случаи ритмической и фонетической упорядоченности в греческом тексте Псалтири). Исторические свидетельства не позволяют с точностью определить изначальную сферу употребления перевода. Можно предполагать, что перевод был осуществлен для использования в синагогальном богослужении или для нужд личного и семейного благочестия. С точки зрения метода перевода автор принимает модель «переводчик-книжник», предполагающую не только предварительное знакомство переводчика с текстом, но и его доскональное знание, а также компетентность в экзегетических и богословских вопросах. Предпринимается попытка теоретически примирить буквализм и свободные переистолкования в греческой Псалтири: сознательно подчиняя себя оригиналу на протяжении почти всего текста, переводчик как бы обретает право от случая к случаю передавать оригинал свободно, либо модифицируя его смысл, либо заменяя этот смысл другим, возможно, более актуальным, с точки зрения переводчика. Раздел завершается указанием на метод перевода библейских цитат в диссертации. Буквальный перевод греческого текста призван передать читателю то ощущение «чуждости», которое должен был испытывать читатель, не знакомый с традицией иудейской религиозной литературы.

«Обоснование темы и ее актуальность». Здесь объясняются причины выбора темы. Исследование ограничено только одной книгой LXX потому, что обобщающие выводы о словоупотреблении LXX в целом сглаживают нередко значительные различия в словоупотреблении и переводческой технике между отдельными книгами. Однородный характер переводческой техники в Псалтири позволяет предполагать, что перевод Псалмов был выполнен одним человеком. Тем самым оправдывается взгляд на Псалтирь как на цельное и законченное произведение. Выбор именно этой книги

обусловлен неослабевающими дискуссиями по вопросу о целях создания греческой Псалтири. Внимание к лексико-семантическому полю ментальной деятельности объясняется важностью этого круга лексики для Псалтири, представляющей собой книгу молитв и духовных размышлений.

«Лексико-семантический аспект». Указывается на существование двух подходов в современной лексикографии LXX. Согласно первому из них, значением слова в LXX следует считать то значение, которое придается слову читателем, не знакомым с еврейским оригиналом LXX. Другими словами, греческий текст должен рассматриваться сам по себе. С этой точки зрения, приобретают большую значимость святоотеческие толкования текста LXX. Альтернативный подход заключается в том, чтобы установить, как сам переводчик понимал греческий текст. Для этого нужно соотнести семантические возможности греческого слова с переводимым еврейским словом. В случае, когда греческое слово может быть истолковано более, чем в одном значении, еврейский текст определяет, в каком значении данное греческое слово понимал сам переводчик. Констатируется, что по исследовательской задаче диссертация близка лексикографии второго типа: еврейский оригинал должен помочь прояснить намерение переводчика. При этом ссылки на еврейский текст соседствуют с описанием последующей рецепции LXX. Понимание текста отцами Церкви и церковными писателями нередко свидетельствует о том, как мог или должен был и сам переводчик понимать свой текст. В этом отношении взгляды автора близки первому из упомянутых подходов.

«Аспект переводческой техники». Формулируется вопрос, ответу на который посвящена вторая глава исследования: какие факторы влияли на лексический выбор переводчика Псалмов в каждом конкретном случае? Ответ на этот вопрос требует сравнения греческого текста с масоретским при учете возможного расхождения последнего с *Vorlage* переводчика. Особенно интересны те случаи, когда масоретский текст настолько отличается от греческого, что не проливает никакого света на лексический выбор переводчика. Еврейский оригинал мог быть непонятен или содержательно неприемлем, и это в известной мере освобождало переводчика для собственного творчества. Лексический выбор может в таких случаях отражать характерные для окружения переводчика религиозные представления или его личные идеи и интересы, его знакомство с другими библейскими текстами.

«Проблема отражения ментальности в языке в применении к LXX». Отмечается трудность задачи, стоявшей перед переводчиками: выразить средствами

греческого языка своеобразие еврейской картины мира. Приводятся примеры, с одной стороны, семантических инноваций в LXX, отражающих влияние древнееврейского языка, и, с другой стороны, актуализирующего перевода, при котором желание передать смысл оригинала на знакомом для греков концептуальном языке ведет к известному отрыву от буквального смысла еврейского текста.

Основная часть диссертации содержит две главы. В первой Псалтирь рассматривается как самостоятельный греческий текст, во второй – как перевод еврейского подлинника.

I глава («Псалтирь Септуагинты как самостоятельный греческий текст») состоит из четырех разделов.

1.1. «Ментальная лексика в Псалтири в контексте эллинского словоупотребления». Раздел посвящен сравнительному анализу словоупотребления Псалтири и греческих литературных текстов классического и эллинистического периодов.

Частотные в Псалтири глаголы мышления *arolēscō* и *meletō* используются синонимически. Глагол *meletō* выступает регулярным эквивалентом определенного еврейского слова, глагола *אָמַר*. Отмечается семантический сдвиг, происшедший при переводе библейского текста на греческий язык: *meletō* не имеет тех конкретных ассоциаций, которые характерны для еврейского глагола («говорить», «стонать», «бормотать»). Глагол *meletō* употреблялся в эллинистической философской литературе (Эпикур, Диоген Лаэртский) для обозначения практики обдумывания философских положений. Возможно, выбор этого слова переводчиками LXX, в частности переводчиком Псалтири, был отчасти обусловлен желанием сопоставить деятельность эллинистического философа и еврейского книжника и представить Закон совершенной философской истиной.

Употребление переводчиком Псалтири глагола *meletō* в значении «упражняться (в славословии Бога)» вызывает ассоциации с текстами Платона, Демосфена и Плутарха. Подобно тому, как классический оратор упражняется в произнесении речей, псалмопевец прилежно возносит хвалу Богу.

Meletō в значении «замышлять» предстает на первый взгляд калькой с древнееврейского, так как, с одной стороны, это значение не зафиксировано в словаре Лидделла и Скотта, а с другой, им обладает переводимый глагол *אָמַר*. Однако у Диона Кассия мы находим параллель такому словоупотреблению: «*ton ep' autw/ meletēnta*

kindunon fugwn» («избежав зла, которое на него замыслили»). В этом же значении употребляется *meletaw* и у византийского эзегета Евфимия Зигабена.

В конце раздела дается краткое описание лексико-семантического ряда «глупости» в Псалмах. Отмечаются различия в значениях между лексемами оригинала и перевода. Так, ряд еврейских слов с базовым значением «глупый» обладает религиозными коннотациями. Но переводчик Псалмов не делает попытки передать религиозное содержание еврейских слов: избранные им прилагательные *mwgoj*, *afgwn* и *awuetoj* обозначают не нравственное, а умственное состояние. Более чуток к религиозной коннотации еврейских лексем был переводчик Притч, дважды употребивший для их перевода слово *awebhj*. Судя по тому, что переводчик Псалтири передает одно и то же еврейское слово различными греческими словами, он не ставит перед собой цели четко разграничить семантику каждого греческого слова. Вероятно, синонимы используются как средство разнообразить язык перевода.

1.2. «Результаты анализа ментальной лексики». Из 20 лексем почти все продолжают употребляться по крайней мере в одном из зафиксированных в эллинской литературе значений. Исключения составляют существительные *logismoj* (в Псалтири: «мысль», «замысел») и *diabou|ion* («замысел»). Не удалось обнаружить эллинских текстов, в которых данные слова употреблялись бы в тех же значениях, что и в Псалтири. Из оставшихся 18 слов некоторые обнаруживают полное совпадение с зафиксированным в словарях эллинским словоупотреблением (например, лексика «глупости», *bouleuomai* (*meletaw* (*meleth*)). Для большинства же слов характерно лишь частичное совпадение. Так, Псалтирь, с одной стороны, продолжает эллинскую традицию употребления слов *adolescew* и *adolesc|a* в значениях, соответственно, «пустословить» и «пустословие», а с другой стороны, содержит совершенно нехарактерное для эллинского употребление этих слов в мыслительном значении. Случай с этими словами, однако, уникален потому, что «новые» значения трудновыводимы из обычных и даже противоречат им. В подавляющем же большинстве случаев речь идет о таких «новых» значениях, которые очень близки обычным эллинским и могли бы рассматриваться как естественный результат развития последних, например: *(dia)logizomai* в значении «замысливать» (ср. зафиксированное эллинское «считать, полагать, рассчитывать; помышлять»), *boulh*, в значении «замысел» (ср. «решение, определение, постановление»), *dialogismoj* в значении «мысль» (ср. «размышление, рассуждение»), *upolambaw* в значении «размышлять» (ср. «полагать, считать; понимать»). Ставится вопрос: следует ли рассматривать

словоупотребление Псалтири как некоторое, хотя и незначительное, произвольное расширение семантических возможностей лексем или как нормальное эллинское словоупотребление, которое не нашло отражения в дошедших до нас памятниках эллинистического койне? Например, греческое слово *diaboulion* используется в Псалтири в качестве перевода еврейского слова *מַזְמֵר* («замысел, злой умысел»). При этом Лидделл и Скотт не фиксируют у слова *diaboulion* значения «замысел». Следует ли считать, что переводчик использовал не совсем подходящее слово или же значение «замысел» было одним из нормальных эллинских значений слова *diaboulion*? Приводятся доводы в пользу второго варианта ответа. Языковое чутье переводчика подтверждается рядом параллелей между Псалтирью и текстами Феофраста, Демосфена, Исократа, Полибия, Платона, Ксенофонта и Геродота, а также случаями отклонения от обычной техники перевода для более адекватной передачи смысла оригинала. Богатая синонимика «размышления» используется, большей частью, с целью разнообразия, без каких-либо заметных различий в значениях.

1.3. «Унификация лексики как средство создания единого греческого текста Псалтири». Здесь рассматривается следующий феномен: использование одного и того же греческого слова или корня для перевода различных еврейских слов и корней. В результате такого метода перевода в греческом тексте создаются интертекстуальные связи, отсутствующие в оригинале. Функция этих связей заключается в смысловом сближении различных мест Библии между собой, в выделении важных для переводчика тем и в организации текста Псалтири как единого целого. Кроме того, такая техника облегчает работу переводчика. В данном разделе анализируется использование глагола *meletaw* для перевода шести различных еврейских слов и существительного *meleth* для перевода пяти еврейских слов. Представляется неслучайным то обстоятельство, что важный для эллинистической философии глагол *meletaw* и однокоренное существительное *meleth* так часто встречаются именно в Псалмах, одной из книг мудрости. Предположительно унификация лексики и усиление темы «размышления» переводчиком объясняется его желанием противопоставить греческой философии библейскую мудрость.

1.4. «Фонетические эффекты в Псалтири как способ поэтической организации греческого текста». В данном разделе приводятся восемь примеров фонетических эффектов в Псалтири (аллитераций), которые рассматриваются как способ поэтической организации текста, подчеркивающий самостоятельность греческой Псалтири по отношению к еврейскому подлиннику. Некоторые созвучия в

греческом тексте возникают, когда переводчик ищет способ передать неизвестные ему слова. Можно предполагать, что переводчик руководствовался не только соображениями контекста, но и благозвучием перевода. Например, в Пс 72(73).7b-8 выбор *приставочного* глагола *diapnoemai* («размышлять») для перевода неизвестного *haraх legomenon* מוֹרָא («насмехаться») может определяться не только требованиями контекста, но и повторением приставки *dia/die/dih*, усиленного созвучием слов *kardiaj* и *adikian*.

«*dih|qosan eij diaqesin kardiaj*

dienohqhsan kai. el a|hsan en ponhria\ adikian eij to. u|yoj el a|hsan»

«Они пришли в расположение сердца;

Они подумали и говорили злое, они говорили несправедливость против высокого».

Употребление в Пс 51.9 приставочного глагола *epel rizw* вместо обычного *el rizw* можно объяснить стремлением усилить аллитерационный эффект стиха: *phl-pl-pl*, повторение *ep\$i%*

«*al |V eph|pisen epi. to. pl|hqoj tou/ploutou autou/ kai. edunamwqh epi. th| mataiothti autou*

«Но он надеялся на множество богатства своего и укреплялся суетностью своей».

В пользу этого предположения может говорить и то, что еврейский глагол מַבְטֵחַ («надеяться»), переданный в данном случае приставочным глаголом, обычно переводится в Псалтири простым *el rizw* (4.6, 9.11, 12(13).6 и др.). Глагол *epel rizw* используется в Псалмах шесть раз для перевода другого еврейского глагола לָחַץ в породе Piel («ожидать, надеяться»).

Созвучием слов *euergesiwh* и *qamasiwn* может объясняться выбор слова *euergesiai* («благодетия») для перевода еврейского עָלִילוֹת («дела, деяния») в Пс 77(78).11. Обычно עָלִילוֹת передается словом *epi thdeumata* (4 раза).

II глава («Псалтирь Септуагинты как перевод еврейского текста») состоит из трех разделов, в которых рассматривается отношение между греческим и еврейским текстом Псалтири. При этом основное внимание направлено на расхождения между двумя текстами. В задачу данной главы входит показать, с какой степенью свободы переводчик может обращаться со своим оригиналом.

II.1. «Типы расхождений греческой Псалтири с масоретским текстом».

В данном разделе предлагаются общие принципы идентификации переистолкований переводчиком еврейского подлинника. Наибольшей доказательной силой обладают повторяющиеся случаи отклонения от оригинала. Некоторые случаи, в которых переистолкование LXX содержится и в других древних источниках, могут быть объяснены существованием общей экзегетической традиции. Если отклонение от масоретского чтения вписывается в общий смысловой контекст Псалтири, т.е. имеет параллели в других ее местах, то наличие переистолкования становится более вероятным. С другой стороны, необходим учет факторов, которые снижают или даже фактически сводят к нулю вероятность переистолкований в Псалтири (или других книгах) LXX. Например, чтения Пешитты и Вульгаты, совпадающие с чтением LXX или близкие ему, могут указывать на то, что «богословски обусловленное отклонение» LXX представляет собой точный перевод отличного от МТ *Vorlage*.

В II.1.1 приводятся три случая, в которых чтение LXX, скорее всего, отражает отличный от МТ рукописный вариант. Это предположение подтверждается в первом случае некоторыми еврейскими рукописями и переводами Аквилы, Симмаха и Иеронима; во втором – переводом Пешитты, Феодотиона, *Quint*'ы и Иеронима; в третьем – чтением Пешитты.

В II.1.2 обсуждается своеобразный метод работы с еврейским текстом. Применение квадратного письма к еврейскому языку приводит к тому, что некоторые слова почти полностью совпадают друг с другом по написанию. Тезис, который доказывается в данном параграфе, следующий: иногда вместо слов, стоящих в еврейском тексте, автор Псалтири намеренно переводил сходные или почти идентичные по написанию слова. Не исключено, что переименование консонантов рассматривалось переводчиком как «критика текста», как восстановление если не первоначального текста, то, во всяком случае, более связного (*lectio melior*). Истолкования Библии, основанные на игре с ее консонантным текстом, были очень популярны в иудейской традиции более позднего времени. Предположение о том, что расхождения между МТ и LXX объясняются неправильным прочтением МТ, может быть использовано лишь после неудачного применения других объяснений, так как авторы LXX, несомненно, прекрасно знали текст Библии и его расхожие истолкования. Так, в Пс 129(128).3 употреблен еврейский глагол שָׁחַ со значением «пахать». Отталкиваясь от переносного значения данного глагола «замышлять», которое однако вряд ли подразумевается в еврейском тексте, переводчик использует греческое τεκταίνω

(«замышлять»). Этот лексический выбор связан с еще двумя отличиями LXX от МТ, которые наилучшим образом объясняются как переистолкование оригинала, основанное на незначительном изменении консонантного состава МТ: חרשים («пахари») толкуется как הרשעים («нечестивые») и переводится как οἱ ἀμαρτωλοὶ (а конкретный земледельческий образ למענוהם («их борозды») заменяется абстрактной идеей - לעוונתם («их грех, беззаконие») и передается как τὴν ἀνομίαν αὐτῶν. Введенная переводчиком тема греха в Пс 129(128).3 соответствует ближайшему контексту: в следующем стихе прямо упоминаются «грешники».

В Пс 76(77).6-7 переводчик, по-видимому, сознательно перевел вместо (масоретского) נִינְיָהוּ («мои песни») близкое ему по написанию וְהִנְיָהוּ («и я размышлял»). Переводчик Псалтири неоднократно передает еврейское נִינְיָהוּ словами *yalmoj* (например, в 4.1, 6.1) и *yal|w* (в 69.13). Таким образом, «песенная» семантика еврейского слова была ему известна. Можно предположить, что отказ от употребления корня *yal|* в Пс 76.6 был продиктован тем, что переводчик счел идею размышления более подходящей к контексту, чем идею пения. Действительно, как ближайший контекст (слова «рассуждал», «размышлял», «беседовал»), так и более широкий (бессоница, сомнения), скорее располагают к идее размышления, чем псалмопения. Кроме того, «размышление» было одной из излюбленных тем переводчика. Схожий пример – употребление глагольной формы *emeletwn* для перевода еврейского существительного הָנָה («вздох») в Пс 89(90).9. В данном стихе переводчик заметно перерабатывает еврейский текст. При этом ему была известна «звуковая» семантика еврейского корня הָנָה. Отказ от употребления слов с этой семантикой мог быть продиктован тремя причинами: 1) «интерес» переводчика к теме «размышления», вообще, 2) соответствие данной темы непосредственному контексту и 3) аллюзией на другие библейские места (например, τα ἐθ ἡμῶν ἡμελεῶν в Пс 89.9 напоминает фразу ἐθ αἰωνία ἐμῆς καὶ ἐμελεῆσα в Пс 76.6.).

В Пс 90(91).6 переводчик «играет» на незначительном различии между словами יָשָׁר («опустошающий, истребительный») и יָשָׁר («и бес»). В результате библейский текст мифологизируется: выражение «зараза, опустошающая в полдень» передается как «несчастье и полуденный бес». На то, что речь идет о сознательном изменении смысла переводчиком, указывает его интерес к «демонологической» тематике в Пс 95(96).5, где известное переводчику еврейское слово אֱלִילִים («ничтожные, пустые»; обычное в еврейской Библии обозначение «ложных богов» других народов) передается как *daimonia* («бесы»).

В П.1.3 приводятся примеры произвольного переистолкования смысла еврейского подлинника. Так, масоретское выражение כָּרוּ שִׁחוֹת לָהֶם («они выкопали ямы») – в Пс 56(57).7 переданное дословно – переистолковывается как *dihghsanto adolescij* («они наговорили праздных речей»). Изменение смысла основано на тождестве написания формы мн. ч. слов שִׁחוֹת («яма») и שִׁחַ («речь»). Переработка еврейского текста, в особенности употребление слова *adolescija*, дала возможность переводчику еще раз косвенно указать на глубину содержания еврейского закона. Это – не праздная болтовня беззаконников, но книга божественной мудрости. В греческом переводе книги Иеремии мы находим сходное переистолкование выражения «копать ямы» (в смысле «замышлять зло») как «произнесение речей».

Употребление слова *boulai*, («решения, волеизъявления») для перевода известного переводчику еврейского עֲלִילָה («дело, деятельность») в Пс 65(66).5 так же представляет собой произвольное изменение смысла еврейского текста.

В П.1.4 приводятся четыре примера перевода неизвестных переводчику слов и один пример перевода испорченного еврейского текста. При переводе неизвестных слов переводчик опирается, прежде всего, на непосредственный контекст. Выбор слов *meletaw* и *meleth* для перевода еврейских слов שָׁעַע и שִׁעֲשִׁיעַ, соответственно, был обусловлен, кроме того, «интересом» переводчика к теме «размышления». Передавая в Пс 138(139).20 неясный еврейский текст, переводчик прибегает к буквалистическому методу, в результате чего греческий текст сохраняет неясность оригинала.

II.2. «Литературные связи Псалтири с другими книгами Септуагинты: проблема интертекстуальности». До сих пор четко не установлено, в какой последовательности переводились библейские книги, датировка переводов спорна.² Точно известно только то, что первым было переведено Пятикнижие (первая половина III в до н. э.). Между тем попытка установить относительную датировку переводов обещает привести к положительным результатам. Критерием определения прямой зависимости одного греческого текста от другого служат совпадения в греческом тексте у различных переводчиков при расхождении в оригинале. В таком случае можно говорить о цитировании греческого текста более раннего перевода. На зависимость может указывать и тождество лексических решений, т.е. использование различными переводчиками одних и тех же греческих слов для определенных еврейских слов. В тех случаях, когда греческое слово не является «самоочевидным»

---

² Предположительную датировку переводов см. в М.Арль, Ж.Дориваль, О.Мюнник, *La Bible Grecque des Septante. Du judaïsme Hellénistique au Christianisme ancien*. Paris 1988, cc. 96-97.

эквивалентом еврейского, можно предполагать, что совпадение неслучайно: более ранний перевод использовали в качестве образца.

П.2.1 посвящен влиянию на Псалтирь Пятикнижия. Он состоит из двух пунктов: П.2.1.1 – *«Влияние Пятикнижия на лексический выбор переводчика»* и П.2.1.2 – *«Лексический выбор Пятикнижия как источник переистолкования оригинала переводчиком Псалтири»*.

В П.2.1.1 рассматриваются сначала слова *adolesew* и *adolescia*, а затем глаголы *logizomai* и *dialogizomai*. Единственное в греческом Пятикнижии (Бытие 24.63) употребление глагола *adolesew* представляет собой загадку. В данном тексте говорится о том, что патриарх Исаак вышел на равнину *adoleschšai* («пустословить»). Ни семантика переводимого еврейского слова, ни контекст не проливают света на причины лексического выбора переводчика. Однако два платоновских текста обнаруживают сходство с разбираемым библейским местом. В Кратиле 401b и Федре 269e существительные *adoleschj* и *adolescia* могут быть истолкованы в положительном смысле («оратор, вития» и «возвышенное рассуждение», соответственно); они употребляются в контексте, где речь идет о возвышенном, философском взгляде на мир (наречение имен, соответствующих природе вещей; философское рассуждение о природе). Цель вечерней прогулки Исаака тоже можно расценивать как некое возвышенное созерцание. Данные параллели, однако, как бы они ни были интересны сами по себе, не могут рассматриваться как доказательство сознательной аллюзии автора греческого Бытия на диалоги Платона. Употребление глагола *adolesew* переводчиком Бытия остается чуждым эллинскому словоупотреблению. Поразительно, что переводчик Псалтири заимствует этот эквивалент (что указывает, между прочим, на прекрасное знание переводчиком греческого и еврейского текстов Пятикнижия) и продолжает употреблять *adolesew* (и один раз *adolescia*) в не-греческом значении «размышлять». Это показывает, в какой степени могло быть авторитетно Пятикнижие. Однако не исключено, что ко времени исполнения греческого перевода Псалтири (II-I вв. до н. э.) *adolesew* закрепилось в устном языке евреев как глагол «размышления» и потому словоупотребление Псалмов уже не воспринималось как искажение греческого языка.

В П.2.1.2 рассматривается употребление слова *enqumion* («мысль») в Пс 75(76).11 и выражение *profasizesqai profaseij* («выставлять в качестве предлога») в Пс 140(141).4. Последнее используется для передачи еврейского *לְהַעֲשִׂי לַעֲשׂוֹת* («делать дела, поступать»). Лексический выбор переводчика обусловлен его зависимостью от

текста Второзакония, где $\text{עֲלִילַת דְּבָרִים}$ переводится греческим словосочетанием *profasistikoi. logoi* («обвинение, имеющее ложные побуждения»). Это – единственное место в Пятикнижии, где слову עֲלִילַת соответствует греческое слово, производное от существительного *profasij*. Зависимость от конкретного места Пятикнижия становится поводом к переистолкованию, «психологизации» библейского текста, связанную, возможно, с возрастающим в эллинистическом иудаизме интересом к внутреннему миру человека.

II.2.2 посвящен совпадениям между греческим текстом Псалтири и книгой пророка Иеремии. К ним относятся: 1) употребление одних и тех же лексем обоими переводчиками для перевода определенных еврейских слов (например, *stereoj* передает קָרָא , *apodokimazw* – מָעַס , *talaipwrew* – שָׁדַד) и 2) буквальные лексические совпадения (*tromoj epel abeto autwh \$authj%* в Пс 47(48).7 и Иер 30.30 (49.24) и *ek seiroj sterewterwn autou/* в Пс 34(35).10 и Иер 38(31).11). В Пс 47(48).7 и Иер 30.30 (49.24) употребляется выражение, которое больше нигде в LXX не встречается: *tromoj epel abeto autwh \$authj%* Еврейские тексты в Пс 48.7 и Иер 49.24 различны, хотя имеют один и тот же смысл и в обоих случаях верно переданы в LXX. Что касается Псалтири, то глагол *epil ambanomai* используется для перевода לָמַח лишь в Пс 47(48).7. В других случаях переводчик употребляет *kratew* (55(56).1; 72(73).23; 136(137).9), *prokatal ambanomai* (76(77).5), и *katecw* (118(119).53; 138(139).10). Переводчик Иеремии дважды передает форму *Niphil* глагола קָרָא греческим *epil ambanomai* (30.30(49.24); 38(31).32). Используются и другие эквиваленты: *kratew* (6.23), *katecw* (6.24), *katakratew* (8.5; 27(50).43), *katiscw* (8.21), *katadunasteuw* (27(50).33), *ecw* (27(50).42) и *efisthmi* (28(51).12). Кроме тождества греческих текстов обращает на себя и необычная для греческой литературы сочетаемость глагола *epil ambanomai*: в словаре Лидделла и Скотта не приводится ни одного примера, когда бы данный глагол употреблялся в отношении эмоций.³ Бесприставочный же глагол *lambanw* часто употребляется с субъектом, обозначающим эмоции, например страх или гнев.⁴ В LXX *tromoj* используется как субъект при глаголе *lambanw* шесть раз (в Исходе, Исаии и Данииле).

Выражение *ek seiroj sterewterwn autou/* встречается лишь дважды в LXX: в Пс 34(35).10 и Иер 38(31).11. Между соответствующими еврейскими текстами есть

³ Ближе всего к такому употреблению использование глагола с существительным, обозначающим болезнь. Lucianus, Nigr. 29 (см. Лидделл-Скотт, *Lexicon*, с. 642).

⁴ Лидделл и Скотт (1026) приводят несколько примеров (со словами *μεροj(соjоj* и *tromoj* у Гомера и словом *deoj* у Платона).

небольшое различие. В виду полного совпадения греческих текстов в Иер 38.11 и Пс 34.10, встает вопрос о возможном влиянии одного текста на другой. Это подтверждается следующими соображениями.

В обоих текстах *stereoј* используется в форме множественного числа, хотя $\sigma\tau\epsilon\epsilon\omicron$ в масоретском тексте стоит в единственном числе. Кроме того, *stereoј* употребляется лишь дважды в LXX для перевода $\sigma\tau\epsilon\epsilon\omicron$, а именно, в Иер 38.11 и Пс 34.10. Наиболее частотный эквивалент – прилагательное *krataioј* (один раз в Псалтири и 2 раза в книге Иеремии). Также используются слова *sfodroj*(*iscuroј* (один раз в книге Иеремии)(*megaj*(*dunatoј*. Слово *stereoј* не употребляется для перевода $\sigma\tau\epsilon\epsilon\omicron$, возможно, и потому, что оно значит не «сильный, крепкий», а скорее – «твердый, прочный». Даже в тех случаях, когда в сочетаниях прилагательного *stereoј* выступают «сильный» человек (*aqlhthј*, D.L. 2.132) или «сильные» руки (*bracioneј*, Theoc. 22.48), в значении слова *stereoј* присутствует идея «твердости». Так, *aqlhthј* обозначается как *stereoј* из-за крепости и твердости своих мускулов. Таким образом, употребление слова *stereoј* в Пс 34.10 и Иер 38.11 опять же не соответствует ни греческому узусу, ни обычной переводческой практике в LXX.

В II.2.3 рассматриваются особенности употребления слов *meletaw* и *meleth* в ряде книг LXX. Исходя из засвидетельствованного в пяти книгах LXX прочного соответствия $\mu\epsilon\lambda\epsilon\tau\alpha\upsilon$ = *meletaw*, отсутствия в LXX других эквивалентов для еврейского глагола $\mu\epsilon\lambda\epsilon\tau$, когда он употребляется в мыслительном значении, а также в виду особенностей употребления существительного *meleth* за пределами книги Псалмов (в частности, калькирования в Плаче Иеремии 3.62 значения «замысел», которым обладает переводимое еврейское слово), автор постулирует существование влиятельной переводческой традиции. На прочность переводческой традиции указывает и тот факт, что обозначение речи как «упражнения» языка или рта необычно. Если данный образ встречается у различных переводчиков, естественно предполагать либо влияние более раннего переводчика на последующих, либо зависимость от общей (возможно, устной) традиции. Ставится цель определить источник этой традиции и установить последовательность заимствования среди переводчиков. Наиболее вероятным источником влияния признается греческая Псалтирь, в которой слова корня $\mu\epsilon\lambda\epsilon\tau$ последовательно и многократно передаются словами корня *melet-*. Псалтирь могла быть переведена на греческий язык раньше большинства других библейских книг из-за своей значимости в богослужении. Влияние Псалтири на переводчиков других книг

может объясняться ее широким использованием в синагоге и авторитетностью как богослужебного текста.

Особенно убедителен пример зависимости переводчика книги Иова от греческого перевода книги Исаии. Встречающееся только в этих двух книгах выражение ἡ ψυχή.))) μελεθῆσει («душа ... будет помышлять») представляет собой у Исаии (33.18) дословный перевод еврейского подлинника с обычной для греческого Исаии заменой еврейского לֵב («сердце») греческим ψυχή («душа»). Напротив, перевод в книге Иова (27.4) свободен: в еврейском тексте речь идет об «изречениях языка». Автор греческого Иова передал еврейский текст в виде цитаты из греческого перевода Исаии.

П.2.4 посвящен анализу употребления выражения ἐπιθρίζω τοῦ ἐφ' ἑαυτοῦ (-οἶ) («взирать (либо с гневом, либо благосклонно)»), которое встречается в пяти местах LXX, в частности в Псалтири и в тексте пророков. Сходство между этими греческими текстами особенно замечательно в виду значительных расхождений между соответствующими еврейскими текстами.

В Пс 31(32).8 используется греческое ἐπιθρίζω («я утвержу») для перевода еврейского אֶפְרִיז («я буду руководить, советовать»). Этот перевод нельзя считать догадкой, основанной на контексте, так как переводчику было известно значение еврейского слова.⁵ Вероятнее всего, мы имеем дело с «исправлением» малопонятного еврейского текста. Переводчик использовал вместо глагола со значением «советовать» глагол ἐπιθρίζω, в результате чего смысл библейский текст становится понятным: «Я утвержу на тебе глаза Свои» (т.е. «Я буду заботиться о тебе, хранить тебя»). Выражение ἐπιθρίζω τοῦ ἐφ' ἑαυτοῦ не засвидетельствовано в эллинской литературе, зато довольно часто встречается в LXX. Вместе со схожим выражением (так же незасвидетельствованным в эллинской литературе) σθρίζω τὸ πρόσωπον оно используется переводчиками 12 раз. Во всех случаях в еврейском тексте употреблен фразеологизм אֶפְרִיז (אֶפְרִיז) אֶפְרִיז (букв. «поставить глаза/лицо», т.е. «обратить глаза/лицо на (против) кого-либо» или «твердо решить сделать что-либо» (с последующим инфинитивом). Очевидно, что глагол (ἐπι)σθρίζω представляет собой почти буквальный перевод еврейского глагола אֶפְרִיז («ставить»). В LXX есть и другие варианты буквальной передачи этого глагола в составе упомянутого фразеологизма. Так,

---

⁵ В Пс 16(15).7 sunetizw передает אֶפְרִיז в значении «советовать, наставлять». В Пс 62(61).5 переводчик использует глагол bouleuomai, соответствующий значению «планировать, замышлять» глагола אֶפְרִיז. В Пс 71(70).10 и 83(82).6 bouleuomai переводит אֶפְרִיז в значении «совещаться».

употребляются глаголы *efisthmi* («ставить, класть на что-то» - Лев 20.5; Иер 51(44).11-12), *tašsw* («ставить, назначать» - 4 Царств (2 Царей) 12.18. Ср. Дан 11.17 в редакции Феодотиона), *didwmi* («давать» - Дан 11.17 (LXX); Иез 15.7 (текст В)). По-видимому, выражение *episthrizw touj ofqal mouj* не отражает обычного эллинистического койне, но обязано своим существованием авторам LXX. На то, что это выражение еще не было распространено в иудейско-греческой среде к моменту перевода книги Бытия, возможно, указывает свободный перевод фразеологизма עָנִי/עֲנִי (אָתָּךְ) в данной книге (Быт 31.21 - *wf̄mhsen* и 44.21 - *epimel oumai*).

Переводчик книги Левит, хотя переводит фразеологизм буквально, однако не использует глагол *episthrizw*. Даже в пророческих текстах, где этот глагол преобладает, встречаются и другие эквиваленты. Так, переводчик книги Иезикииля один раз употребляет стилистически безукоризненное выражение *epistrefein to. proswpon proj tina*.⁶ Возможно, в процессе работы над переводом пророков глагол *episthrizw* стал восприниматься как наиболее адекватный еврейскому עָנִי, о чем и свидетельствует преимущественное использование именно этого греческого глагола в книгах пророков. Во всяком случае, данное словоупотребление должно было найти отражение в реальной речи грекоязычных евреев. Этим объясняется, почему переводчик Псалтири, «исправляя» еврейский текст, прибег к *необычному* греческому выражению. Видимо, оно не резало слух переводчику Псалмов потому, что он был знаком с ним (или со схожим выражением) по более ранним переводам, например пророческих текстов (Ам 9.4 или Иер 24.6).

Переводчик книги Иеремии так же обнаруживает зависимость от традиции. Впервые в этой книге выражение *sthrizw to. proswpon* встречается в 3.12. Еврейский текст в данном месте содержит фразеологизм с глаголом נָפַל («падать»). Еврейское выражение значит «Я не буду суров к тебе» (дословно: «Я не сделаю так, чтобы лицо Мое упало на тебя»). Перевод отклоняется от греческой нормы, но не представляет собой дословного перевода еврейского текста.⁷

Можно предполагать, что при переводе Притч 16.30 переводчик использовал, *по крайней мере*, греческий и еврейский тексты Псалтири. *Narax legomenon* נָפַל в Притч 16.30 графически близок форме נָפַל в Пс 32.8. Столкнувшись с незнакомым ему словом נָפַל, переводчик Притч использовал греческий глагол, употребленный (в

---

⁶ Ср. употребление выражения *strefein to. proswpon proj tina*. E. Ph., 457.

⁷ К дословным переводам глагола נָפַל Niphil в LXX относятся: *epibal lw* (Быт 2.21; Ис 34.17); *riptw* (Иер 45(38).26); *aporriptw* (Суд 2.19); *diariptw* (Числ 5.22); *epiriptw* (Числ 38.23).

приставочной форме) в Пс 31(32).8 для перевода глагола $\gamma\omega\iota$, близкого по написанию к гапаксу הָעַל .

II.3. «Переосмысление переводчиком греческих эквивалентов». На примере употребления глаголов μελετᾶω и υπολαμβάνω в Псалтири автор ищет подтверждения уже высказывавшейся в научной литературе мысли о том, что переосмысление греческого текста не является исключительной прерогативой рецепирующей литературы; оно могло осуществляться самим переводчиком. Так, при первом употреблении глагола μελετᾶω для перевода הָעַל в Псалтири греческий глагол имеет значение «размышлять». Однако это значение уже невозможно в тех контекстах, где הָעַל используется как глагол «звукопроизводства» при существительном, обозначающим орган речи. Тем не менее, в этих контекстах переводчик продолжает использовать μελετᾶω . По мнению автора, если переводчик не отказался от регулярного эквивалента μελετᾶω , то сделал это не по небрежности, а потому что, мысленно обзрев семантические возможности греческого глагола, истолковал его в значении «упражняться», пусть даже это значение и не совпадало со значением еврейского הָעַל . В подобном случае переводчик книги пророка Исаии следует традиции и использует μελετᾶω для перевода הָעַל , но понимает греческий глагол не в значении «размышлять», а, возможно, в значении «заботиться» (Ис 17.16).

Глаголом υπολαμβάνω дважды переводится форма פִּיעַל еврейского глагола הָעַל в значении «думать, помышлять» (Пс 47(48).90 и Пс 49(50).21). Но греческий глагол используется также в значении «схватить, подхватить» в Пс 16(17).12, причем для перевода тех же еврейских консонантов. Автор предлагает этому следующее объяснение. Приступая к переводу Пс 16(17).12 (текст которого неясен и, возможно, испорчен), переводчик уже имел готовый эквивалент для перевода הָעַל в породе פִּיעַל : υπολαμβάνω в значении «думать». Несмотря на то, что это значение не соответствует контексту, переводчик не отказался от глагола υπολαμβάνω . Приняв во внимание весь семантический спектр данного глагола, переводчик нашел возможным истолковать его в конкретном значении «подхватывать», абстрагировавшись от оригинала.

II.4. «Результаты анализа переводческой техники».

Автором установлено, что некоторые слова греческого перевода Псалтири отличаются от слов оригинала большей степенью абстрактности. Большая отвлеченность греческого текста объясняется, с одной стороны, вообще большим богатством абстрактной лексики в греческом языке по сравнению с древнееврейским, а с другой стороны, особыми интересами переводчика.

Чаще всего отклонения от практики точного перевода произвольны, но могут объясняться и неприемлемостью для переводчика смысла оригинала. Переистолкования оригинала совершаются с учетом непосредственного контекста. Приведенные в работе примеры переистолкования оригинала делают проблематичной гипотезу, согласно которой греческая Псалтирь изначально создавалась как подстрочник еврейского текста.

Исследование подтверждает часто высказываемую мысль о влиянии перевода Пятикнижия на перевод Псалтири. Это влияние можно видеть уже в том, что переводчик Псалтири избирает дословный метод перевода, следуя своим предшественникам. Зависимость от переводческой традиции Пятикнижия проявляется и в выборе лексических эквивалентов. Кроме того, Пятикнижие для переводчика Псалтири – источник и отправная точка богословских переистолкований. Отталкиваясь от того или иного текста Пятикнижия, обнаруживающего те или иные сходства с переводимым текстом Псалмов, переводчик привносит в свой труд содержательные элементы, отсутствующие в оригинале.

В то же время переводчик обнаруживает и свободу от традиции. Это наблюдается, в частности, в выборе лексических эквивалентов. Так, он употребляет слова группы *boul-* (*boulh, diaboulion, bouleum*) для перевода еврейских лексем *בָּוֹל* и *מִבּוֹל*, что идет вразрез с традицией Пятикнижия. Слово *מִעֵלָל* дважды передается словом *ergon* (Пятикнижие – *epithdeuma*). Еврейское слово *נָבַל*, передающееся в Пятикнижии словами *mwoj* и *asunetoj*, в Псалтири переводится как *afrown*.

Важное переводческое средство в Псалтири – лексическая вариативность, т.е. употребление различных греческих слов для перевода одного и того же еврейского. Применение этого приема (*variatio*) может быть обусловлено как требованиями контекста, так и просто нежеланием переводчика повторяться. Так, глагол *בָּוֹל* обладает тремя эквивалентами в Псалтири: *dialogizomai*(*bouleomai*(*parathromai*. Прилагательное *בָּוֵל*, передается словами *mwoj*(*afrown* и *asunetoj*. Для перевода существительного *עֵלָל* используются пять греческих слов *qelhma, ergon, profasij, epithdeuma* и *euergesia*. Нередки случаи, когда переводчик отклоняется от своего основного эквивалента, стараясь удовлетворить требованиям контекста. Так, в двух случаях переводчик отказывается употреблять обычный эквивалент глагола *בָּוֹל*, глагол *dialogizomai*, и использует глаголы *upolambanw* и *frontizw*. При переводе глагола *נָבַל* переводчик однажды изменяет своей практике использовать глагол *meletaw* и употребляет требуемый контекстом глагол *frown* (134(135).17). Вместо обычного в

Псалмах эквивалента еврейскому פִּשׁ, глагола *adolescere*, переводчик трижды употребляет *dihgeromai* и дважды *meletaw*.

С разнообразием в лексике сочетается и тенденция к ее унификации, т.е. к употреблению одного и того же греческого слова для разных еврейских. Интересным вариантом этой тенденции служит повтор переводчиком греческого слова на коротком участке текста, в то время как еврейский оригинал содержит два разных слова (см. анализ слов *epithdeuma* и *meletaw*).

Средний путь между вариативностью и унификацией – употребление устойчивых эквивалентов (например, использование слов *adolescere* и *meletaw* для перевода פִּשׁ и הָגָה соответственно). Эта же приверженность *формальным* особенностям оригинала проявляется и в «этимологическом переводе», т.е. в употреблении однокоренных греческих слов для передачи однокоренных еврейских слов: *bouleuomai/boulh*, для перевода עֲצָה/יעֹץ, *logizomai/logismoj* для перевода מִחְשָׁבָה/חֵשֶׁב, *meletaw* и *meleth* для перевода הָגָה и производных. Верность букве оригинала переводчик стремится сохранить и при переводе еврейского слова הִתְהַוָּה греческим *emeletwn*, выражения יִאמְרוּךָ לְמִזְמָרָה греческим *ereij eij dialogismon*, еврейского דַּמָּה греческим *upolambanw* в Пс 16(17).12. Буквализм соединяется с вольным переистолкованием в необычном для современного восприятия феномене: изменение смысла оригинала происходит посредством трансформации консонантного состава текста. Переводчик вроде бы сохраняет лояльность по отношению к оригиналу, так как не игнорирует полностью его форму, но при этом значительно изменяет смысл. Примерами здесь служат употребление слова *enqumion* в Пс 75(76).11, *adolescja* в 118.85, некоторых форм глагола *meletaw* и др.

В *Заключении* суммированы общие выводы диссертации и обозначены пути дальнейших исследований.

1) Некоторые значения определенных греческих лексем ментального поля зафиксированы только в LXX (в частности, в Псалтири). Этот факт можно толковать двояко: автор библейского перевода или отклоняется от обычного эллинского употребления, или использует определенную лексему в обычном, но незафиксированном в другой литературе значении. В ряде случаев более вероятным оказывается второй вариант истолкования: в отношении к ментальной лексике Псалтирь LXX можно рассматривать как надежный источник сведений об эллинистическом койне.

2) Использование переводчиком средств греческой синонимии в большей степени обусловлено желанием лексически разнообразить перевод, чем передать смысловые оттенки еврейских слов

3) Переводчик Псалтири был книжником, прекрасно знавшим греческий и еврейский текст Пятикнижия

4) Переводчик Псалтири обнаруживает преемственность с переводчиками Пятикнижия не только в области общего метода перевода, но и в выборе отдельных лексических эквивалентов. Кроме того, некоторые формулировки в греческом тексте Псалтири позволяют заключить, что при истолковании оригинала переводчик опирался на параллельные места в Пятикнижии.

5) Хотя Псалтирь LXX представляет собой в целом буквальный перевод, ее автор нередко проявляет творческую свободу. Например, он вводит интертекстуальные связи, стремясь тем самым к созданию греческого текста как единого целого. Иногда он изменяет смысл понятного ему еврейского оригинала, чтобы, с одной стороны, избежать нежелательных ассоциаций у читателя а, с другой, привнести в текст важные для него идеи, в частности, идею размышления над Законом. Изменение смысла оригинала иногда совершается посредством трансформаций консонантного текста еврейского подлинника, с которым работал переводчик.

6) Одним из видов свободного перевода является переосмысление переводчиком устойчивых эквивалентов в тех случаях, когда обычное для греческого эквивалента значение не подходит к контексту.

7) Более поздние переводчики LXX использовали не только Пятикнижие, но и другие доступные им греческие переводы библейских книг. В частности, ряд параллелей Псалтири с греческим переводом книги Иеремии убеждает в том, что один из переводчиков использовал текст другого.

В *Приложении 1* приводятся дополнительные примеры трансформаций консонантного текста Библии. Так, в книге Чисел 24.22 мы имеем дело с переводом сознательно измененного переводчиком еврейского текста, графически почти не отличающегося от *Vorlage*: מַה עַד («до каких пор?») было изменено на מַחֲמָה («хитрость») для достижения большей связности текста.

В *Приложении 2* предлагается эмендация греческого текста Притч 30.32, позволяющая осмыслить лексический выбор переводчика: вместо рукописного чтения *eij eufrosunhn* предлагается читать *eij afrosunhn*, что, с одной стороны, дает более

связный греческий текст, а с другой, соответствует употреблению в масоретском тексте данного стиха глагола נבל («быть глупым»).

В конце работы приводится **Библиография**.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1) Лазаренко О.М., Тезисы доклада «Семантические неологизмы Септуагинты и их место в лексической системе греческого койне» в сб. *Древние языки в системе университетского образования: их исследование и преподавание*. Москва, 2000. Сс. 63-64. (0, 06 п. л.)

2) Oleg Lazarenco, «Does *anōl escew* mean "to meditate" in the LXX?». *Bulletin of the International Organization for the Septuagint and Cognate Studies*. Volume 35 (2002 г.). Сс. 110-120. (0, 5 п. л.)

3) Лазаренко О.М., «Трансформации консонантного текста еврейской Библии в переводе Септуагинты». *Вестник МГУ. Филология*. № 1 (январь-февраль). Москва, 2008. Сс. 7-13 (0, 4 п. л.).

4) Лазаренко О.М., «Лексические данные как основа относительной датировки отдельных частей Септуагинты». *Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII*. Материалы чтений памяти проф. И.М. Тронского. Под ред. акад. Н.Н. Казанского. Санкт-Петербург, Нестор. История. 2008. Сс. 272-279 (0, 4 п. л.).

5) Лазаренко О.М., «Переводчик Псалтири как переистолкователь еврейского оригинала». *Богословский вестник*. Сергиев Посад (1 п. л.; в печати).